Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV–XVIII стст.): зборнік навуковых прац / Пад рэд. А. М. Янушкевіча. Мінск, 2014.

Константин Ерусалимский

Архивная культура в ситуации фронтира: Московские эмигранты в Речи Посполитой XVI–XVII вв.*

История личных и семейных архивов перебежчиков из Московского государства в Речи Посполитой и их потомков, к сожалению, не может опираться на сводные тексты, подобные Описи царского архива 1626 г. или описям архива Посольского приказа[1]. Впрочем, подобная ситуация ждет и исследователя московской знати XVI–XVII вв.[2] Лучше сохранились

[1] Гальцов В. И. Архив Посольского приказа в XVII веке: Опыт изучения описей Посольского архива: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1976; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / подг. текста, коммент. А. А. Зимина; под ред., предисл. Л. В. Черепнина. М., 1978. Вып. 1–3; Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 1. Допетровская Русь. М., 2007. Кн. 1. С. 11–201. О методике подсчета потерь в фондах российских государственных учреждений первых дет правления Ивана IV см.: Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30 – 40-х годов XVI века. М., 2010. С. 364-375. Сохранность приказной документации Российского государства начала XVII в. изучена в: Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. – Тула, 2009.

[2] Морозов Б. Н. Частные архивы русских феодалов XVII в. Дисс. канд. ист. наук. М., 1984; Анхимюк Ю. В. Частные Разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII в. М., 2005; Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009.

* *Исследование было поддержано фондом «Thesaurus Poloniae» (Międzynarodowe Centrum Kultury, VI edycja, 2012 r.). Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект № МД-2230.2013.6). Выражаю благодарность К. Зольдат, А. Казакову, А. Рахубе и А. Скепьян за ценные замечания на обсуждениях данной работы.*

© *К. Ерусалимский*

собрания польско-литовской шляхты и духовенства XVI – первой половины XVII в. Они нуждаются в кропотливой поисковой работе (так реконструируются архивы князей Острожских, Заславских, Любомирских, а также Радзивиллов, Сангушко, Ходкевичей и др.)[3]. Реконструкция документального состава архива представителей знати Речи Посполитой требует привлечения подлинных актов, записей канцелярских книг Великого княжества Литовского, местных гродских и земских судовых книг, сеймовых и сеймиковых документов, данных частной корреспонденции, геральдических сочинений и т. д. Эта задача не может быть одинаково успешно решена в отношении документов большинства перебежчиков и многолетних пленников из Российского царства, которых за XVI – начало XVII в. известно более тысячи человек, не считая их супругов и потомства, рожденного за границей.

Слуги-хранители крупных архивных собраний интересующего нас периода приложили огромные усилия, чтобы унифицировать материалы. Это и привело к возникновению Царского архива, Актов Томицкого, Королевского архива Речи Посполитой, Архива Радзивиллов, которые существенно отличались от более ранних монастырских и княжеских хранилищ именно тем, что содержали главным образом рукописные делопроизводственные материалы, отделенные от предметов быта, военной утвари, драгоценностей и т. д.[4] Однако, как правило, архив магната и про-

[3] Историки-архивисты давно проводят ревизию источников по истории Речи Посполитой, сохранившихся после Второй Мировой войны: Kennedy Grimsted P. The «Lithuanian Metrica» in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Including An Annotated Edition of the 1887 Inventory Compiled by Stanisław Ptaszycki / with the collaboration of I. Sułkowska-Kurasiowa. Cambridge, Mass., 1984; Eadem. Trophies of War and Empire: The Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution. Cambridge, Mass., 2001; Ковальский Н. П. Источники по истории Украины XVI – первой половины XVII в. Дисс.... д-ра ист. наук. Днепропетровск, 1984; Шумейко М. Ф. Собрать рассеянное: О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем. Минск, 1997; Нариси історії архівної справи в Україні / За заг. ред. І. Матяш, К. Климової. Київ, 2002; Ragauskienė R. Najstarsze dokumenty XVI w. w archiwach prywatnych szlachty WKL (na podstawie Metryki Litewskiej) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės šaltiniai: faktas, kontekstas, interpretacija / Sud. A. Dubonis. Vilnius, 2006. S. 285–314.

[4] Бывали и исключения. В судебной документации изредка встречаются забытые или намеренно заархивированные «улики». Примером может служить мумифицированный отрубленный палец, приложенный как вещественное доказательство к столбцу из архива Поместного приказа XVII в. Впрочем, исключения крайне редки и лишь подтверждают общее правило обособленного

стого шляхтича Речи Посполитой XVI–XVII вв. – это не собрание бумаг, а скорее склад разнообразных вещей, пригодных в хозяйстве и финансовых отношениях, на суде, в военном деле, для хранения личной, семейной и фамильной памяти. На русском московском языке – это казна, на русском языке Короны Польской и Великого Княжества Литовского – скарб. Практические и мемориальные функции таких коллекций часто неразличимы.

Специфика «скарбов» московских эмигрантов на землях Речи Посполитой XVI–XVII вв. заслуживает нескольких методических ремарок. Прежде всего, речь в данной работе пойдет в основном о реализации прав на распоряжение имуществом, а следовательно, в первую очередь о шляхетских документальных собраниях, тогда как об имуществе селян, горожан и челяди московского происхождения известно крайне мало. Московиты-селяне и горожане отмечены в налоговых реестрах и изредка упоминаются в других источниках. Документальную фиксацию этим классам обеспечивали такие необычные обстоятельства, как смена места проживания или социального статуса, покупка недвижимости, вступление в цех, занесенные в актовые книги судебные иски[5]. Имена зависимых людей дошли до нас в реестрах имущества привилегированных слоев общества, в материалах шляхетских и магистратских судов[6]. За редкими ис-

сохранения письменного документа от вещественного артефакта (Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 91–92). Письменное слово обладало весомым преимуществом перед артефактом – оно авторитетно маркировало область правовой «совести» в ущерб религиозно ориентированной устной присяге и устному свидететельству, и можно было бы добавить в развитие мысли А. И. Груши, в ущерб всем вещественным доказательствам, которые не несли на себе авторитетных печати и подписи (Груша А. И. Недоверие – не из-за него ли появился письменный акт? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 131–156).

5 Отсутствие документов едва не лишило надежды на шляхетский статус городенского московита Василия Ивановича, которого за шинкарство чуть было не лишили права защищаться в местном поветовом суде – его репутацию спас наместник Г. А. Ходкевича Г. С. Коллонтай, подтвердивший, что московит служит его пану (Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску, ф. 1755 (Гродненский земский суд), воп. 1, спр. 4, арк. 93 адв.–94 (4 октября 1569 г.). Показателен в данном случае пример вступления крестьянина по происхождению Андрея Смолянина в цех львовских ювелиров – решение об этом было принято по постановлению Львовского совета в 1616 г. (Ковальский Н. П. Связи западноукраинских земель с Русским государством (вторая половина XVI – XVII в.). Дисс.... канд. ист. наук. Львов, 1956. С. 412–414, 426).

6 Ценный источник для изучения дел трынецкого корчмаря Григория Москаля – местная актовая книга, в которой за период с 1577 примерно по 1593 гг. выступает его семья. Григорий должен был накопить богатую подборку «выпи-

ключениями[7] они выступают в качестве безголосой массы, их «маетность» и они сами являются предметом распоряжений и жалоб, и говорить об их «скарбе» было бы неуместно[8]. Слуги магнатерии и замков были, с точки зрения распорядительных операций, защищены правом, хотя и в их случае всегда возникала угроза, что под прикрытием предписанного им положения «людей приезжих» или нарушений в оформлении их шляхетского или мещанского статуса в их распорядительные операции вторгались конкуренты[9].

сов» по искам (Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie (далее – BCz.), rkps 2980, s. 5–121).

7 К числу таковых можно отнести московку Настасью, которая в марте 1585 г. унаследовала от своего пленителя-шляхтича В. Корошевского «маетность рухомую», а вместе с нею должна была получить экземпляр завещания. Это все же результат случайных обстоятельств – шляхтич умер вдали от своего имения, в Луцком повете, и счел возможным оставить наличную движимость, в том числе амуницию, своей челяднице (Центральний державний історичний архів України у м. Києві (далее – ЦДІАУ-К), ф. 25 (Луцький гродський суд), оп. 1, спр. 36 (далее – КГЛ- и номер дела), арк. 137–138 зв. (30 апреля 1586 г.).

8 Полонянка-московитка Аграфена (Грушка) стала предметом спора между жмудскими шляхтичами Л. Павловичем и Г. Шондой в 1593 г. Право захвата Груши «на здобичах за границою», в Ливонии около 1577 г., и демонстрация суду реестров с именами пленников являлись достаточным основанием для признания притязаний правомерными. Впрочем, показательно, что представитель Шонды Э. Г. Сурвило старался отстоять свободу Аграфены, опровергая сведения реестров Л. Павловича ссылкой на то, что они «на враде не ствержоные». Суд признал требования истца, Л. Павловича, и приговорил ответчика выдать женщину ее бывшему владельцу и заплатить неустойку. Таким образом, реестр челяди являлся по сути единственным свидетельством зависимого статуса (Vilniaus universiteto biblioteka (далее – VUB), f. 7 (LDK teismų knygos), Žemaičių žemės teismo (bylos), kn. 10 / 1593. P. 35–38v (9 октября 1593 г.). Возможно, запись занесена в книгу 11 октября 1593 г.), 66–66v (13 октября 1593 г.).

9 Между замковыми слугами-московитами возникали контрактные деловые отношения, допустимые лишь для вполне свободных людей. Однако в этом статусе были свои лакуны, что можно увидеть на примере наследственной сделки между пушкарями Заславского замка. Алексей Яковлевич получил по «духовнице» от умершего в поветрие 1572 г. Михаила Филипповича вола, деньги, сермягу и кожух и на местном суде в июле 1573 г. требовал отдать ему недостающую сумму, которая хранилась «при небощику у череску». Все завещаемое имущество состояло из четырех предметов, из которых три были при завещателе, а еще один – вол – находился в заславском селе Мокрец «у Семена», видимо, у слуги Заславских, тогда как умирал Михаил в доме ответчика на суде 1573 г. – Захарки Киселевича. Завещание составлено при пяти свидетелях, из которых двое, Станислав Ревуский и войт Заславля Богдан Ивануш-

Во-вторых, необходимо отметить роль секретарей, урядников и судебных посредников, часто выполнявших функцию не только пользователей, но и организаторов собрания своего пана и поручителя. Высокопоставленные московиты, приближающиеся по своему статусу к областной элите Великого Княжества Литовского и восточных окраин Короны Польской, нередко пользовались услугами секретарей. Таковыми были, к примеру, Иван Москвитин и Ждан Миронович в окружении кн. А. М. Курбского и, возможно, Ф. Евлашевский в период его службы у В. С. Заболоцкого. О секретарях Тетериных и Сарыхозиных можно лишь догадываться, но для этого также есть основания. На службе у кн. А. М. Курбского его соотечественники П. В. Остафьев Вороновецкий и К. И. Зубцовский неоднократно выступали в качестве доверенных лиц и распорядителей, что требовало хорошего знакомства с делопроизводством в имениях пана. Чтобы составить представление об объеме ковельского «скарба», необходимо учитывать весь объем сюзеренно-вассальных отношений Курбского. В то же время дворяне и дети боярские вынуждены были держать свои бумаги и ценности при себе, и как результат, наши возможности в изучении их документального наследия плачевны.

И третье. Московит-шляхтич – подвижная боевая единица, и часто известны лишь следы деятельности таких soldiers of fortune, разбросанные по местным актовым книгам и то здесь, то там встречающиеся в государственных собраниях – так называемой Литовской Метрике, Архиве Королевской Казны, Архиве Войсковой Казны, Архиве Радзивиллов и других сановников Великого княжества Литовского, а также в корреспонденции

кович, приложили свои печати, «а для лепшое вери и руку свою по-рускии подписал и перед тыми ж людми добрыми до рук Олексеевых тую свою духовницу есми отдал». Оно хранилось у Алексея Яковлевича и было достаточным основанием, чтобы выиграть «справу». По всей видимости, никакого иного «скарба», помимо кожуха («череска»), у Михаила не было, да и у Алексея вряд ли накопилось многим больше, чем свои пожитки, имущество и оригинал завещания его соотечественника (Archiwum Państwowe w Krakowie, oddział na Wawelu, zesp. 637 (Archiwum Sanguszków), sygn. 27, s. 277–280, публ.: Тесленко І. Заславська замкова книга як джерело до історії Південно-Східної Волині // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2009. Т. 19. Кн. 1. С. 249–251 (26 июля 1573 г.). Позднее Алексей Яковлевич торговал товарами Заславских на ярмарке в Заславе, Луцке и, возможно, Кременце, покупал для замка олово и селитру и не раз оказывался в переделках, но в спорном имуществе при этом трудно выявить ядро его частной собственности (КГЛ-459, арк. 90 зв. (2 мая 1574 г.); ЦДІАУ-К, ф. 21 (Кременецький гродський суд), оп. 1, спр. 18 (далее – КГК и номер дела), арк. 66 зв.–67 зв. (13 мая 1575 г.).

частных лиц. В данном случае уместно говорить о том, что функцию сохранения памяти о беглых московитах взяли на себя государство, король и господарь, административные учреждения и т. д. В нашем распоряжении есть серийные записи, касающиеся московитов: постановления сеймов о награждении за службу, «привилеи» на «хлебокормление», «юргельты» и феодальные владения, списки королевских московитов на военной службе. Московиты-шляхтичи при этом нередко владели техникой удостоверения документов при помочи подписей и печатей – причем не только первостепенные королевские дворяне[10], но и простые «сыны боярские»[11]. Возможно, они сохраняли и развивали навыки, которые приобретали еще в Российском государстве, однако наши возможности проверить связующие звенья между московским и польско-литовским опытом перебежчиков ничтожны. Например, в нашем распоряжении есть сведения о библиотеках и книжной деятельности кн. А. М. Курбского, Ивана Федорова и Артемия Троицкого, сведения об образованности, тяге к книжности и университетской науке у ряда московитов-эмигрантов, кириллическая подпись И. И. Ляцкого московской скорописью в акте периода его польско-литовской эмиграции, сотруничество отдельных московитов с польско-литовской «тайной службой». Однако «московское наследие» всех известных ныне эмигрантов этой поры сегодня недоступно, а о том, что они успевали перевезти в новое отечество красноречиво говорят слова о слуге Ляцких Денисе Федоровиче: «на Москве оставивъши род и племя, именья и всю маетъность свою»[12].

«Фонды» с материалами, относящимися к деятельности шляхты московского происхождения, как целое были неподконтрольны самим мо-

[10] Auerbach I. Ivan Groznyj, Spione und Verräter im Moskauer Russland und das Grossfürstentum Litauen // Russian History. 1987. Spring–Winter. S. 5-35; Grala H. „Ex Moschouia ortum habent". Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii. Warszawa, 1999. T. 4 (15). S. 101–130.

[11] Русской подписью и печатью пользовались, например, С. Шарапов, П. В. Остафьев-Вороновецкий, К. И. Зубцовский (см. здесь ниже). В. И. Бунаков подписывался «письмом руским»: «Василеи Бунак рукою властъною подписал» (VUB, f. 7, Upitės žemės teismo, kn. 10, s. 593–594 (25 сентября 1593 г.). Потомок одного из Бунаков, Миколай, использует уже польскую подпись: "ustnie proszony pieczętarz Mikołay Bonak ręką swą" (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 356 (Земские и гродские суды), оп. 2, д. 13, л. 497 об. (15 января 1594 г.).

[12] РГАДА, ф. 389 (Литовская Метрика), оп. 1, д. 41 (далее ЛМ- и номер дела), л. 362–363 (Вильна, 20 октября 1563 г.).

сковитам, да и определение собраний могут получить лишь условно. Необходимость подробно представлять суду подтверждения пожалований «юргельтом» или «старины» владений, службы или победы в суде, выдачи документов из великокняжеской или шляхетской канцелярии возникала казуально. И, как правило, речь шла в таких случаях далеко не обо всем собрании шляхтича, а лишь о его сегментах. Существенную трудность для исследователя архивных собраний московитов представляют коллективные господарские пожалования, когда земельный надел получали одновременно двое или несколько эмигрантов. Этому принципу пожалования соответствует типичное для землевладения феодалов из Московского государства первых поколений после эмиграции «гнездовое» наделение землями, превращающее перебежчиков в соседей и совладетелей и вызвавшее множество трений и споров между ними о праве на держание документов о собственности[13].

Записи актов в регесты публичного делопроизводства и судебные процессы вокруг совместного имущества отражают степень единства собраний шляхтичей-московитов. Круги коммуникации П. В. Остафьева Вороновецкого отражены в материалах Королевской Казны и актовых книгах местных шляхетских судов. В 1564 г. выступает, видимо, под именем «Петро Остафий» в числе бенефициантов Казны то наряду с З. В. Вепревым и О. А. Лутовиным, то в числе 14-ти московитов, перешедших на службу Сигизмунда II Августа[14]. Затем на протяжении ряда лет он владеет кременецким имением Вороновцы совместно с М. А. Бесчастным, кн. Г. Ф. Подгорским и С. Шараповым, причем в марте 1567 г. объединяет свою земельную долю с наделом Шарапова, из-за чего между сторонами начинается тяжба, закончившаяся соглашением на королевском суде. Конфликты между соседями продолжаются и дальше, но в октябре 1569 г. они должны объединиться против старосты кременецкого кн. М. А. Збаражского, чтобы подтвердить свои права на королевский надел. Могущественному старосте

[13] Подробнее о правах и путях интеграции московитов в польско-литовском обществе см.: Ерусалимский К. Ю. Польско-литовские московиты второй половины XVI – начала XVII в.: социальный состав, культурные ориентиры, пути интеграции // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. М., 2011. С. 7–54; Ерусалімскі К. Маскоўцы ў польска-літоўскі асяроддзі ў XVI – першай палове XVII стст. Транзітыўная ідэнтычнасць, гендэр і дыскрымінацыя // ARCHE. 2012. № 3. С. 68–95.

[14] Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее – AGAD), Archiwum Skarbu Koronnego, od. 1 (Rachunki Królewskie), sygn. 205 (далее – ASK-1 и номер дела), k. 121v, 143v; ASK, od. II (Rachunki Sejmowe), sygn. 22, k. 36, 37, 68v.

Остафьев продает в 1573 г. свою долю Вороновцов и поступает к нему на службу, чем вызывает недовольство совладельцев. И уже в феврале 1577 г. его доля по решению короля в руках С. Шарапова, который после двух лет борьбы за свое имение со слугами старосты кн. Я. М. Збаражского продает его С. Яловицкому и Д. Скашевской[15]. Остафьев грамотен[16] и наделен представительскими талантами: в роли слуги, урядника и судебного поверенного он появляется на службе В. С. Заболоцкого, кн. М. А. Збаражского, а позднее – кн. А. М. Курбского[17]. Первоначальное «гнездовое поселение» московитов распалось, сведения о них разобщаются, и для реконструкции их «скарбов» необходимы новые данные. Само «досье» Петра Остафьева представляет его документальное собрание как обширный комплекс актов, которые могли исчисляться десятками. Среди них могли быть рекомендательные «листы» от приграничных старост, королевские «привилеи» и «консенсы», «листы» на юргельт и «листы увяжчие» на владения, «выписы» из актовых книг шляхетских судов, имущественные инвентари, долговые расписки и «квиты», копии налоговых реестров, «записы о заруки», письма и «цедулы», бланки-«мамрамы», акты совладельцев и могущественных покровителей.

Порядок внесения записей в книги Литовской Метрики, сохранившиеся за интересующий нас период в основном в копиях, позволяет высказать ряд предположений о составе и структуре актовых собраний московитов. В 1580 г. в один день, 8 января, «листы» к старостам, в подчинении которых находились их владения, получили И. Голохвастов, Б. Османов и кн. Б. Ф. Желиховский[18]. Желиховский и Османов оказались соседями по

[15] ЛМ-268, л. 145 об.–147 (Петрков, 31 марта 1567 г.); КГК-13, арк. 5 зв.–7 (записи от мая 1568 г.), 27–27 зв. (8 октября 1569 г.). Сделка со Збаражским: КГЛ-14, арк. 167 зв.–168 зв. (30 июня 1573 г.), 289 зв.–290 зв. (19 августа 1573 г.); КГЛ-17, арк. 123 зв. (16 февраля 1577 г.). Сделка Шарапова с Яловицкими: КГЛ-19, арк. 359–361 (6 мая 1579 г. Договор – Лановцы, 3 мая 1579 г. На договоре были подпись «Я Степан Шарапович влостною рукою сес мои лист подписал» и печать С. Шарапова).

[16] Подпись по-русски «Петр Остафьевич влостная рука подписал», «Петр Остафъев власная рука подписал» (КГЛ-14, арк. 167 зв.–168 зв. (30 июня 1573 г. Запись в кременецких гродских книгах от 27 июня 1573 г.). Повторно: КГЛ-14, арк. 289 зв.–290 зв. (19 августа 1573 г.).

[17] О службе П. В. Остафьева Заболоцкому см.: КГК-11, арк. 120–120 зв. (8 октября 1567 г.). Последний период жизни Остафьева и его служба Курбскому подробно изучены в работе: Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985. S. 367–373.

[18] ЛМ-66, л. 13 об., 13 об.–14, 14–14 об.

коршовскому имению на Жмуди. Немногим ниже в той же книге Литовской Метрики скопирована подборка «листов», выданных пленникам Полоцкой кампании короля Стефана от 12 января 1580 г.: кн. В. И. Телятевскому, Л. М. Третьякову Ракову, еще через четыре дня выдан «лист» П. И. Волынскому, И. Ю. Ододурову и еще два «листа» П. Волынскому от 17 января 1580 г.[19] Позже, 10 мая 1580 г., кн. В. Телятевский и Л. Раков получили часть трабских имений погибшего В. Заболоцкого. Отдельным привилеем, но выданным в тот же день и помещенным сразу после «листа» Телятевскому и Ракову, в тех же имениях был наделен П. Волынский. И следующей же записью и под той же датой помещен «привилей» В. Дударову и его сыновьям на промедлянские волоки в волости Росенской[20]. В другой книге подряд скопированы два акта на земельные наделы в волости Трабской от 8 июня 1581 г.: первый – кн. В. Телятевскому, второй – П. Волынскому и Л. Ракову[21]. Подобную подборку составляют привилеи С. А. Криженину и И. Г. Квашнину, оба от 20 января 1584 г. Эти два московита перешли примерно одновременно на сторону короля Стефана и получили имения по соседству друг от друга и от еще одного московита, Ф. И. Зубатого, в Троцком повете[22].

Выстроенные в один ряд упитские пожалования детям боярским И. Дурасову, Ф. Соломею, А. Борисову и П. В. Кокошкину от 13 декабря 1584 г. в двух книгах приведены в различной последовательности, но как если бы перед нами был один комплекс материалов, которые были внесены в одну копийную книгу в порядке 1–2–3–4, а во вторую первая позиция заняла место последней (или наоборот – в первой подборке порядок был нарушен, и привилей Дурасову занял первое место)[23]. Акты в данном случае открывают порядок соседства и помогают уточнить те связи между московитами, которые объединяли их в микрообщество. После смерти Кокошкина в 1585 г. его имением завладел упитский московит З. Г. Ступа-Телеснин. Соседом Борисова по упитскому имению был Дурасов. Име-

[19] ЛМ-66, л. 16–16 об., 17, 18–18 об., 18 об.–19, 19 об.–20.

[20] ЛМ-66, л. 66–66 об., 66 об.–67.

[21] ЛМ-63, л. 277–277 об., 277 об.–278.

[22] ЛМ-69, л. 198, 198 об. См. также о Зубатом: ЛМ-69, л. 232. Подборкой актов Криженина и Квашнина можно также считать записи «данин» под 26 ноября 1586 г., сохранившиеся в неидентичных последовательностях в двух книгах Метрики. См.: ЛМ-73, л. 253 об., то же: ЛМ-74, л. 157–157 об. (Криженин); ЛМ-73, л. 253, то же: ЛМ-74, л. 156 об.–157 (Квашнин).

[23] ЛМ-69, л. 217, 217 об., 218, 218 об. В другой книге ряд открывается пожалованием Кокошкину, соответственно: ЛМ-70, л. 181–182, 182 об.–183, 183 об.–184, 180 об.–181.

ние Дурасова перешло другому, и весьма могущественному в последние годы жизни, московиту Аг. В. Сарыхозину, тогда как имение Борисова в мае 1591 г. приобрел упитский московит Г. Кошелевский (сначала в аренду, а в июне 1592 г. отсудил пожизненно), женатый на У. И. Святковне, вдове уже упомянутого З. Г. Ступы-Телеснина. При этом круг местных московитов был явно шире. Совместно с эмигрантами С. Хлусовым и Б. Слизовым П. В. Кокошкин получает ежегодно 12 коп гр. ВКЛ с доходов Я. Я. Глебовича и О. Б. Воловича еще до того, как братья Хлусовы получают земельные наделы в старостве Упитском.

Имя Слизова встретится и совсем в ином контексте в документации Королевской Казны. Он получит вознаграждение в 1583 г. вместе с сыном боярским Я. С. Стрыевым[24]. В особой подборке приведены привилеи от 20 февраля 1586 г. кн. Б. Ф. Желиховскому, Л. Бибикову и Я. С. Стрыеву[25]. Бибиков и Стрыев были совладельцами села Кондратовичи в державе Олитской, но были зависимыми людьми или как-то иначе связаны с кн. Желиховским. Сам князь владел имением в жмудском Коршовском тиунстве, но его мать княгиня Варвара вскоре после эмиграции оказалась пожизненной владелицей чуть меньшего надела в Кондратовичах, чем в том же селе имели в своем держании Бибиков и Стрыев.

Таким образом, последовательное расположение актов на пожалования московским детям боярским в томах Литовской Метрики воплощает общую тенденцию в формировании земельных наделов российских эмигрантов в Речи Посполитой в конце XVI в. Московиты получали временные королевские пожалования небольшими группами и размещались по соседству друг от друга в пределах одного лена. В этих условиях право на владение опиралось на совместные документальные собрания, нередко разобщаемые в последующей борьбе совладельцев за право на свою долю или на все держание. Распад единого архива в этих случаях становился условием sine qua non становления самостоятельных хозяйств шляхтичей московского происхождения.

Причинами исчезновения их архивов были не только пожары, преднамеренное уничтожение документов и конфискации. Условия хранения документов даже в магнатских домах нередко приводили к выцветанию и угасанию текстов, порче бумаги и пергамена от влаги, грызунов и т. д. Пожары наносили непоправимый урон как документации городских и шля-

[24] AGAD, ASK-1, sygn. 267, k. 71v.

[25] ЛМ-73, л. 132–132 об., 132 об.–133, 133 об.–134. Идентичная последовательность других копий тех же актов: ЛМ-74, л. 63 об., 64, 64 об.

хетских учреждений, так и частным собраниям. Например, после пожара в Овруцком замке 1554 г. мещане и господарские слуги били челом королю с жалобой, что вместе с их домами и «маетностями» сгорел королевский судебный «лист» о том, «яко ся они в службе и повиноватостях своих противъко старостам нашим овруцким заховати мели». В этом случае помогла запись в канцелярской книге, которая была для них скопирована после челобитья[26]. Во время осады Полоцка в феврале 1563 г. многие шляхтичи лишились своих документов на имения и позднее обращались в господарскую канцелярию, чтобы получить копии из записных книг. При описании пропаж иногда упоминаются «шкатулы з листы»[27].

Условия хранения документов обычно были далеки от «музейных» или «архивных» в том понимании, которое предполагает охрану документов как исторических ценностей. Их возили с собой, манипулировали ими на судах, многократно читали, и нередко это приводило к потерям, кражам, умышленному уничтожению актов. В северо-западных русских землях до начала XVI в. и позднее в центральных ведомствах Российского государства XVI–XVII вв., как показывают описи и переписные книги, документы хранились в особых «ларях», «хранилиах» или «казенках» «в коробьях и ящиках», где нередко гнили, портились от влаги и горели в пожары[28]. О способах хранения документов в домашних условиях сведения источников крайне скупы. Актовый материал Польско-Литовского государства в этом отношении богаче уже в силу сохранности актовых книг местных шляхетских и мещанских судов, а также королевской (господарской) канцелярии. В повседневной жизни документы здесь возили, например, в сумках («торбах»). В мае 1596 г. в литовскую канцелярию явились Щастный и Гаврило Ельские с жалобой, что ночью в доме варшавской мещанки Дороты Михайловой, где остановился королевский одверный «покоевы» (шамбелан короля) Криштоф Пудловский «не ведать через кого злых людеи украдено им торбу з листами прывилями и справами многими на кгрунты, именья належачими, в которои деи торбе тые листы меновите были»[29]. Для хранения даже самых важных реликвий использовались также обычные коробы («скрыни», «скринки»), следили за

[26] ЛМ-43, л. 1–3, здесь л. 1 об. (Вильна, 4 января 1555 г.). См. также: Архив Юго-Западной России. Киев, 1907. Ч. 7. Т. 5. № 46. С. 104–106; Ковальский Н. П. Источники по истории Украины... С. 211–212.

[27] ЛМ-268, л. 114–116 (П. И. Дубицкий, Орша, 12 сентября 1566 г.), 129–130 (А. Гостомский, Варшава, 10 октября 1566 г.), № 105 (С. С. Ореховинский).

[28] Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах... С. 92–94, 98–100, 108–109.

[29] ЛМ-284, л. 189 (Варшава, 1 мая 1596 г.).

которыми не всегда внимательно. Это нередко приводило к плачевным последствиям, например, если короб находили крысы. Так, в январе 1597 г. жмудский шляхтич Михал Чехович собирался на суд в Росенский уряд. Открыв «скринку», «где листы были хованы в тои скринце в клети некоторые справы потребъные до Росеины, и там тую скринку знашол прогризеную и в самои скринъце листов немало знашол отъ щурков погризеных велми шкодливе в стучки». Чехович старательно перечисляет документ за документом, особенно выделяя те из них, которые были «велми до щатку згризеные», и таких поврежденных и почти целиком съеденных «листов», причем относящихся не только к его судебным процессам, но и к имущественным правам, оказалось «барзо много». Для расследования был выделен даже урядный судебный повереный («возный»), который подтвердил, что видел «скринку з замъком внутрным замъвыстую, подле самого замка от щурков прогризеную и в тои самои скринце, кгды одемкнено, видел есми листов барзо веле до щатку прогризеных»[30].

В обыденных конфликтах шляхетского социума документальные архивы не отличаются от всего собрания личных, семейных или родовых ценностей. Московские перебежчики были причастны к движению таких «скарбов». В их домашних архивах многие годы хранятся привилеи, данины, подтверждения, постановления судов, вызовы в суд, расписки, приятельские соглашения и т. п. Так, П. К. Ярцев получил от короля Сигизмунда I кричевское имение Холм 18 мая 1534 г. Двадцать лет спустя он представляет суду привилей: «и тот он лист данину короля его милости пана отъца нашого перед нами вказывал и поведил, же он за оным листом его кролевское милости тую землю на себе немалыи час спокоине держыт и ее вжываеть»[31].

В том же 1534 г. в Стоклишках получили имения слуги беглого князя Ивана Ивановича Рязанского Степан (Стефан) Остафьевич Круков, Ивана Гафонович и Федор Ехидович (Ефидович) Толкачев[32]. Их владения были представлены как феоды из рук князя Ивана, хотя позднее они выступают как господарские бояре. Князь не имел права распоряжаться землей, по крайне мере после его смерти эти права были аннулированы, и после его смерти сын Крукова Андрей Ольшевский и Иван Гафонович были лишены своих пустошей и «служб» в пользу другого высокопоставленного

[30] VUB, f. 7, Žemaitijos žemės teismo (далее КЗЖм- и номер книги), t. 21, l. 69v–70.

[31] ЛМ-39, л. 95–96, здесь л. 95 об. (Вильна, 6 августа 1555 г.).

[32] Казакоў А. У. Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV – 30-я гг. XVI стст.). Дыс.... канд. гіст. навук. Мінск, 2010. С. 29, 33, 96, 98, 145, 151.

московита-перебежчика кн. С. Ф. Бельского – на то время владельца Стоклишек. А вот Ф. Е. Толкачев в числе стоклишских господарских бояр и дальше служил королю, его право на уменьшившееся имение было подтверждено в апреле 1560 г. Сигизмундом II Августом. После его смерти (ранее 6 мая 1579 г.) его пустоши и названный им, видимо, по своему имени, Федоровский двор заняли ковенские шляхтичи-земяне Андрей Николаевич Сепянский и его жена, получившие на него подтверждение Стефана Батория. Однако в начале 1590-х гг. в борьбу за бывшие владения московита вступили сразу три стороны – королевский инстигатор от лица Сигизмунда III, троцкий хоружий Криштоф Держек и те же Сепянский с женой. 31 мая 1592 г. Федоришские имения были переданы Стоклишскому костелу, однако суд смилостивился над Сепянскими и передал им это имение пожизненно. В ходе процесса развернулся казус вокруг документов Толкачева. Староста поюрский и державца ужвенский Матей Война объявил в господарской канцелярии, что Держек отдал ему акты Федора Москвитина перед тем, как в 1591 г. отправился в посольство в Турцию. Однако эти два акта «яко маловажные иж се гдес зарушили, же их наити и вернути ему не мог». Война довольно точно указывал, что это были «листы» Сигизмунда I Федору на четыре пустоши и Сигизмунда II Августа войту виленскому и державце стоклишскому Августину Мелескому (Ротундусу). Настораживает в этих показаниях, что в привилее Федору значилось не четыре, а пять пустошей, тогда как четыре фигурируют уже только в актах не ранее 1579 г., а оригиналы из собрания Толкачева позднее на суд представили Сепянские. Для нас здесь показательно, что Война ссылается на временную утрату актов за ненадобностью («яко маловажные»). Акт может пропасть так же легко, как и обрестись[33].

В. С. Заболоцкий в 1568 г. обвинялся в том, что захватил и вывез в Ляховицкий замок имущество («маетность») сгоревшего в своем доме шляхтича П. Липницкого: «то ест злото, сребро, грошы готовые, перла, шаты, цынъмед, листы купъцыи и квиты на долъги и теж статок домовыи, кони, быдло, збоже, челяд невольную и иные речы, штокольвек в том дворцы Липницкого было, все от мала до велика на себе забрати велел»[34]. Служебник Заболоцкого литвин Ф. М. Евлашевский хранил свои документы и по-

[33] ЛМ-284, л. 187–187 об. и сл. (Варшава, 4 апреля 1596 г. Акт Сигизмунда I под датой Вильна, 11 февраля 1534 г.); ЛМ-38, л. 258–258 об. (Вильна, 6 апреля 1560 г., то же в судном деле 1596 г.: ЛМ-284, л. 187 об.–188); ЛМ-285, л. 36 (Краков, 8 апреля 1595 г.); ЛМ-284, л. 153 об. (Краков, 23 января 1596 г.).

[34] ЛМ-268, л. 226–226 об., то же: л. 236 об.–237 (Кнышин, 25 июля 1568 г.), цит. с л. 226.

жалования в сумке («торбе»), которую украл у него его слуга, лишив своего пана права перейти вместе с другими королевскими боярами из-под власти старосты-московита под юрисдикцию Новогрудского повета[35]. Часто встречаются в источниках сообщения о том, что шляхтичи возят с собой документы на свои имения, долговые расписки, договоры и др., и как следствие, документы теряются, захватываются в стычках, портятся из-за условий хранения.

Выехавший из России около 1562 г. Степан Щетинин Шарапов Вороновецкий, получивший фамильное прозвище «Вороновецкий» по своему кременецкому имению, состоящему из сел Осники и Вороновцы, не уследил за своей «скрыней». Его имение было совместным владением с П. В. Остафьевым. В мае 1568 г. слуги Остафьева дважды нападали на Шарапова, проникли в его дом в Вороновцах, открыли его «скрыню» и забрали оттуда 10 коп грошей литовских, а из коморы забрали две ручницы, сагайдак и др.[36]

Польско-литовский шляхтич XVI–XVII вв. собирал документы, осознавая, что почти все они могут быть при необходимости не только подтверждены высшими государственными инстанциями, но и восстановлены на основе местных урядовых архивов. Так, 21 июня 1595 г. владелец жмудского (биржанского) села Суврамовичи (Суврамацы, Соврамовичи) Богдан Иванович Бунаков, один из трех братьев-московитов Бунаков-Бунаковых, эмигрировавших в правление Сигизмунда II Августа, и его жена, местная шляхтянка Просимя Даниловна (из Даниловичей) отправили поверенного к возному Жмудского земского уряда с жалобой о том, что они искали у себя дома свой «лист» на «ровъныи дел межи иншыми детми» Данила Григорьевича и его жены Марины Овдокимовны, то есть на раздел домов, земли и имущества от 1 июля 1570 г. Видимо, речь идет об одном из противней договора по разделу имения родителей Просими. Стареющие Бунаковы готовили документцию для передачи по наследству имения сыну Федору. На этот «лист» был дан «выпис» из виленских замковых книг (то есть из книг Виленского гродского уряда). Найти документ Бунаковым не удалось, и они дали об этом запись в Жмудский земский уряд[37].

Шляхетский социум требовал от своих граждан высокой документальной культуры, готовности в любой момент представить подтверждение

[35] ЛМ-268, л. 312 (Варшава, 11 августа 1570 г.); см. также: Свяжынскі У. М. Гістарычныя запіскі Ф. Еўлашоўскага. Мінск, 1990. С. 94 (л. 7).

[36] КГК-13, арк. 7 зв.

[37] КЗЖм-19, l. 345.

своих прав или выставить уполномоченного, полностью оснащенного всеми материалами, чтобы вести правовую борьбу на победу и на поражение («на зыск и страту»). Московиты пользовались этими правами, однако, конечно, им было непросто втянуться в мир юридических тонкостей и профессионального, иной раз фанатичного сутяжничества.

Почти два десятилетия вел процесс за свои права в тиунстве Дирвянах Меньших брат Богдана Василий Бунак. Ему Стефан Баторий назначил после Псковского похода немалую пенсию – 50 зл. в год с тиунства, во главе которого тогда и позднее вплоть до своей смерти стоял М. В. Шемет. Староста отказывался выплачивать деньги своевременно, а за отдельные годы выплат вообще не осуществлял. Права Бунака на его «юргельт» были подтверждены королем Сигизмундом III в августе 1589 г. В течение последующих десяти лет Бунак добивался от Шемета компенсации. Одновременно он хлопотал о том, чтобы получить от Шемета предписания выплатить «юрегльт» или копии с документов. Когда и этого не последовало, Бунак обратился в господарскую канцелярию, и Шемету в марте 1590 г. был направлен «лист упоминалный». В ходе дальнейшего десятилетнего процесса одно из требований Бунака – вернуть ему документы, задержанные Малхером Шеметом. Неоднократно Бунак лично встречался с тиуном и, по его словам, всякий раз шел на компромисс, и всякий раз плохо оснащал себя документальными подтверждениями (так, в июне 1590 г. он застал ответчика на сейме в Варшаве, получил его устное согласие выплатить долг и даже небольшую сумму – всего 15 зл. из 50-ти за будущий год). Когда тот умер в конце 1593 г., Бунак продолжил борьбу, переведя прицел на вдову и сына дирвянского тиуна. Спор закончился поражением в январе 1599 г.: уполномоченный Шеметов представил в Жмудский земский уряд выписки из скарбовых (казначейских) книг с «квитами» Бунака, то есть его подтверждением полученных выплат. Если это был фальсификат, то конечно, московит должен был знать о возможности обмана и в нужный момент заручиться поддержкой Казны или пожаловаться королю. Если это были действительные подтверждения полученных выплат, то возникает подозрение, что Бунак плохо представлял себе делопроизводство Великого Княжества Литовского, подавая иск против Шеметов, и не знал, где его поджидает опасность[38].

О сохранности целостных собраний можно говорить в немногочисленных случаях, как правило, применительно к высшей прослойке эмигрантов. На сегодня относительно хорошо известен только один «скарб»

[38] КЗЖм-19, л. 155v–160, здесь л. 156 (20 января 1599 г.).

московита, правда, распавшийся на несколько дел, который в значительной части хранился в королевском архиве. Это выморочное собрание актов кн. С. Ф. Бельского. Его остатки обнаруживаются в шведском Государственном архиве, архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН и фасцикулах Библиотеки Чарторыйских в Кракове[39].

Часть архивов московитов сохранялась в домашних собраниях местной шляхты. Род Ляцких уже к 1560 г. втянулся в местную элиту благодаря браку Ивана Ивановича Ляцкого и княжны Богданы Ивановны Полубенской. Часть имущества ее сестры, княжны Марии Полубенской, также оказалась во владении Ляцких. Только один мужской потомок стал продолжателем рода Ляцких – Федор-Теодор Иванович, который был женат на итальянке Изабелле Бонарелле де Ровере. Их сын комнатный дворянин короля и староста жмудский Ян-Альфонс женат на Йоанне Талвош, дочери каштеляна жмудского Адама Талвоша, его дочь – как и бабка, Изабелла – замужем сначала за воеводой брестским Теофилом Тризной, затем за старостой мозырским Иеронимом-Каролем Ходкевичем. Сыновья

[39] Стоклишский архив князя, включая комплекс имущественных материалов, реестры и инструкции и др., сохранился в собрании Шведского государственного архива: Riksarkivet (Stockholm), Skoklostersamlingen, E 8610 (2). Описание см.: Polonika w zbiorach Archiwum Narodowego Szwecji (Riksarkivet) Skoklostersamlingen. T. 1 / E. Teodorowicz-Hellman et al.; pod red. A. Nowickiej-Jeżowej; konsult. M. Janicki. Warszawa, 2006. S. 22, 115; Archiwum kniazia Siemiona Fiedorowicza Bielskiego [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // www.repcyfr.pl/dibra/doccontent?id=138&dirids=1. Дата доступа: 29.08.2013. Часть архива сохранилась в копиях и оригиналах в коллекции С. В. Соловьева, приобретенной в том же Шведском архиве (Таирова-Яковлева Т. Г. Материалы по истории Белоруссии в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1/2 (5/6). С. 210–227 (№№ 21–28, 32, 34, 37, 39, 44, 47, 49, 51–56, 58, 60–63, 65–70)). Оригиналы писем королевы Боны Сфорца с поздними переводами на польский язык, возможно, происходящие из того же архивного комплекса и в какой-то момент отделившиеся от основного массива документации Бельского, переплетены в рукописи из Библиотеки Чарторыйских: BCz., rkps 307, s. 125–126 (Вильна, 9 января 1541 г.), 129–130 (Вильна, 28 апреля 1542 г.), 133–134 (Краков, 24 января 1543 г.). Переписка Бельского с Боной началась не позднее июня 1540 г. (ср.: Архив СПб ИИ РАН, ф. 124 (Коллекция С. В. Соловьева), № 40). См. также: Backus O. P. Treason as a Concept and Defections from Moscow to Lithuania in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1970. Bd. 15. P. 119-144; Кром М. М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 98–115; Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.): Очерки. М., 2004. С. 131–158.

Яна-Альфонса и Йоанны маршалок надворный литовский Теодор-Александр, тиун биржанский Самуэль-Ян и подкоморий троцкий, староста радунский Петр-Казимир. Именно потомки Яна-Альфонса обеспечили сохранность архиву своих прародителей, и сегодня он входит в состав фонда Ходкевичей Млыновских Вавельского государственного архива в Кракове. Впрочем, показательно, что в бумагах Ляцких период до брака И. Ляцкой с И. Ходкевичем (ок. 1645 г.) освещен крайне слабо, если не считать документацию ее и ее первого мужа Т. Тризны (с 1630-х гг.). Млыновские Ходкевичи обеспечили Ляцким сохранение памяти, но их собственное собрание стало своеобразным фильтром для потомков вельможного московского рода. Древнейшие акты этого собрания, относящиеся к XVI в., сильно повреждены, а более поздние, вплоть до середины XVII в., явно отражают лишь незначительную часть документации и переписки Ляцких[40].

Бесследно распался архив В. С. Заболоцкого. В Литовской Метрике сохранился обширный комплекс документации о феодальных пожалованиях Владимиру Семеновичу вплоть до последних дней его жизни. Он неоднократно выступает и в финансовой отчетности Речи Посполитой как ротмистр и заслуженный воин. Его урядники в Деревной, Лепесовке, Ляховичах, Блудно и Трабах должны были вести свое делопроизводство, следы которого также сохранились в записях актовых книг местных шляхетских судов[41]. Заболоцкий переписывался с королями Польско-Литовского государства и Венгерского королевства[42], а также с литовскими магната-

[40] Дела первых поколений Ляцких см.: APK-W, zesp. 630 (Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów), rkps 79, 89, 90, 95, 98–116, 151, 185, 444, 570, 913–920.

[41] Ерусалимский К. Ю. Московский боярич, литовский староста, королевский слуга: европейская карьера В. С. Заболоцкого // Российская история. 2011. № 4. С. 88–102.

[42] BCz., Teki Naruszewicza, rkps 72, s. 289 (Остров, 8 мая 1563 г.), 319 (25 мая 1563 г.); см. также: Ibid., rkps 2463, s. 240, 242. Письма адресованы королю Венгрии Фердинанду II. На обоих копиях из Папок Нарушевича значится сигнатура Лейпцигского архива: "Ex epist. Sig. Aug. nupt. Lipsiae" (этот источник А. Нарушевича не комментируется в кн.: Grzybowski S. Teki Naruszewicza: "Acta regum et populi Poloni". Wrocław, 1960). В актах упоминается только имя "Wlodimir", "nobilis Wlodomiri". Владимир обращался напрямую к Сигизмунду II Августу, что следует из слов короля в письме 8 мая 1563 г.: "Supplicavit nobis Wlodimir". Речь идет именно о В. С. Заболоцком, которого польский король просил через венгерского короля прислать «на защиту Ливонии». Заболоцкий был женат на венгерской дворянке А. Череп (Череповичевне) и к 1563 г. времени мог жить во владениях венгерского короля-электа или имении жены. Как раз в 1563 г. он возвращается на польско-литовскую службу и участвует в Ливонской вой-

ми[43]. Значительная часть выморочных владений Владимира должна была оказаться в руках Стефана Батория, который распределял среди своих слуг его обширные владения. Вряд ли документация миновала государственные собрания, чтобы оказаться в руках новых держателей – Франциска из Веселина, Каспора и Габриэля Бекешей, полоцких пленников М. И. Ржевского, Л. Т. Ракова, кн. В. И. Телятевского и его жены, сестры Заболоцкого, Авдотьи. Выписка из протокола суда по делу о смерти В. С. Заболоцкого в Вильне 24 апреля 1580 г. (составлена 25 апреля 1580 г.) оказалась в подборке польских актов XVI–XVII вв.[44], а копия гневного письма коро-

не.

[43] Biblioteka PAN, rkps 355, s. 69. Письмо В. С. Заболоцкого Я. И. Ходкевичу написано в Вильне 5 мая, год не указан. Единственными надежными датирующими признаками в самом письме служат имя и должность Я. И. Ходкевича. Кастеляном виленским он стал в 1574 г., а умер 4 августа 1579 г. Король не назван по имени, но упоминание о подготовке войны с Москвой исключает короля Генриха Валуа и указывает на Стефана Батория, так что вернее было бы ограничить датировку 5 мая 1576 г. – 5 мая 1579 г. Можно было уточнить и ее, но уже при помощи предположения. Король, согласно письму, готов отправиться к границам московским, даже если бы "nykt dobrze nie chciał s kroliem yego mosczią yechacz". Король в 1577 г. и позже не мог так планировать поездку к московским границам и не нуждался в таких объяснениях с литовским магнатом и сторонником имперской кандидатуры на элекции. Пограничные проблемы беспокоили короля в первые месяцы по восшествии на престол. В письме гетману дворному К. М. Радзивиллу, написанном в Варшаве 6 июля 1576 г., король говорит, что расчитывает вернуться в Варшаву 31 июля, чтобы обсудить с панами рад ВКЛ «потребы там того панства пограничные» (AGAD, Archiwum Radziwillowskie, dz. III, sygn. 3, s. 19–22, цит. со с. 22). В письмах тому же гетману дворному и кн. Ярославовичу Микитиничу от 30 июля из Брянска Стефан разъясняет свой план держать «некоторыи певныи почот людеи служебных» на границе с Россией (ЛМ-60, л. 3 об.–4 об., 4 об.–5, цит. с л. 4). А в письме канцлеру ВКЛ М. Ю. Радзивиллу, написанном в Торуни 29 августа, вновь пишет о "potrzebach granicznych spraw" (Biblioteka Jagiellońska, rkps 1000, k. 11–11v). Существенно для датировки еще и то, что в рукописи Польской Академии наук оно занимает место между письмами 18 апреля и 13 мая 1576 г. (Biblioteka PAN, rkps 355, s. 66, 74. См. также: Grala H. «Ex Moschouia ortum habent». Uwagi o sfragistyce... S. 106, przyp. 28. Работу с текстом письма облегчил Л. В. Соболев, за что выражаю коллеге глубокую благодарность).

[44] BCz., rkps 2242. Polska. Akta l. 1520–1583. T. 1. Collectanea do dziejów Polski z lat 1501–1656 (głównie 1527–1585). W. XVI–XVII. s. 410, нумерация с л. 11. Переплет XIX в. Кор. ребристая ткань, уголки и корешок – кожа. На корешке 5 делений и 2 полуделения. Во 2-м: "Polska / Akta / 1520–1583". В 4-м: "Tome I" и ниже белая бум. наклейка 34×15 с надп. черн. черн. «2242». Бирка б-ки Чарт. с шифром в правом верхнем углу на нижней крышке. На об. верхней крышки черная бирка "A. Binant / 5 et 7, Rue de Clé{r}y / A Paris". На припер. листе

ля подозреваемому в организации убийства К. Радзивиллу Перуну – среди документов внешнеполитического характера[45].

Лучше известно, как хранился и распадался архив кн. А. М. Курбского Ярославского и его потомков. Документальное собрание Курбских неоднократно служило предметом реконструкции[46]. Некоторые из его

[I]1 шифр «2242 IV». Кодекс является созданным в XIX в. конволютом 48 оригиналов XVI в. и более поздних копий с оригинальных документов различного формата и происхождения. Их список на размеченных в горизонтальную линейку листах (всего их IV, соотв. с. 1–8), I1–II1. В реестре документов, содержащихся в томе, под номером 45 значится "Inkwizycya w Wilnie w skutku zabicia Włodzimierza mieszczanina 1580, kart 4". Определение В. С. Заболоцкого «мещанином Владимиром» ошибочно. Раздел с выпиской из следственного дела, занимающий с. 387–394, является копией, написанной почерком XVI в. Бумага сильно помята, со следами многочисленных сгибов, повреждена на краях и подвергалась реконструкции: заклеена по внутр. и верхнему полю на с. 387, по внешнему и нижнему полю тот же лист с оборота (с. 388), по внешнему и верхнему полю с. 390, по внешнему полю с. 392, по нижнему полю с. 393, по внешнему, верхнему и внутреннему полю с. 394. Во всех названных случаях текст заклейкоми не закрыт. В ряде случаев прозрачной бумагой заклеены фрагменты, содержащие текст, на с. 388 (1 наклейка), 389 (1), 392 (2), 393 (2), 394 (1). В верх. правом углу на с. 387 красным карандашом «1580», рядом та же дата химическим карандашом. По нижнему полю почерком XVIII или XIX в.: "No 290 Fac. a. publicznych". На с. 394 на нижнем поле следы от двух печатей Ж ок. 19 мм каждая. Выписка представляет собой 1 четырехлистную тетрадь форматом в двойку ок. 210×322 мм с листами 389/390 = 391/392. Водяной знак: одна половина листа без маркировки, на второй (на л. 391/392 и 393/394) топор под короной около 54 мм. Топор без картуша. Корона трехзубцовая, без верхних дуг, с овалом внизу. Как отмечает Я. Синярска-Чаплицка, данный знак свидетельствует об изготовлении бумаге на мануфактуре Тенчинских под Краковом или в Люблине (с. 19). Весьма отдаленную близость представляет вариант Лауцявичус № 1666 (1566 г.): отличаются формы короны, топор на знаке Лауцявичуса в картуше. Еще более отдаленный аналог – Синярска-Чаплицка. № 1080 (1567 г.).

45 BCz., rkps 1662. s. 412 (карандашная пагинация). Данный сборник XVII в. является списком более ранней подборки актов, возникшей, по всей видимости, в ближайшем окружении Стефана Батория.

46 Устрялов Н. Г. Сказания Князя Курбского. Изд. 2-е. СПб., 1842. С. 461-469 (№№ 16-35); Шумаков С. А. Акты Литовской метрики о князе А.М. Курбском и его потомках // Книговедение. 1894. № 7-8. С. 19; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 197, 512, 662-663; Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... München, 1985; Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998; Ерусалимский К. Ю. Потомки А.М. Курбского // Ad fontem / У источника. Сборник статей в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайло-

документов могут быть реконструированы по официальным копиям, занесенным в Литовскую Метрику и актовые книги центральных и местных судов Речи Посполитой. Н. Г. Устрялов пролистал с этой целью книги Литовской Метрики и опубликовал обнаруженные им материалы, отметив также неизвестные, но упоминаемые акты. Поиски продолжил Н. Д. Иванишев, увенчавший их двухтомным сборником документов, в основном составленным из отрывков актовых книг гродских судов Луцка, Владимира-Волынского, Кременца, Житомира. Крупнейшим достижением в этом направлении стали работы И. Ауэрбах, систематически изучившей все доступные для нее собрания в Европе и СССР с целью реконструировать жизнь кн. А. М. Курбского и его окружения, и эта работа оформлена в две монографии, ряд статей и публикацию «Нового Маргарита»[47].

Впрочем, круг источников сегодня шире, и ждет своего исследования обширный комплекс более поздних, выходящих за хронологические рамки биографии князя Андрея, актов, касающихся жизни как Курбского и его потомков, князей Курбских Ярославских, так и других московитов в Речи Посполитой.

Часть свох бумаг и книг Курбский оставил в Юрьеве, «у старца у Васьяна у Муромца в Печерском монастыре» и потерял при переходе на сторону Сигизмунда II Августа в Ливонии. Князь пытался получить их с помощью своих агентов, ведя тайные переговоры с российской стороной[48], а в Великом Княжестве Литовском пожаловавшись в суд на администрацию Гельмета, где его лишили имущества, а по его словам – просто ограбили[49].

После того, как осенью 1571 г. Курбский женился на княжне М. Ю. Голь-

вича Каштанова. М., 2005. С. 350-376.

47 Список данных работ см.: Auerbach I. Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovic Kurbskij und sein Kreis // Kurbskij A. M. Novyi Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift. Giessen, 1990. Bd. 4. Lief. 15–17. S. 13–190; eadem. Identity in Exile: Andrei Mikhailovich Kurbskii and National Consciousness in the Sixteenth Century // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. M., 1997. (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. III). P. 11–25.

48 Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. С. 359–360, 495–496.

49 Кунцевич Г. З. Акт Литовской метрики о бегстве князя А. М. Курбского // Известия отделения русского языка и словесности АН СССР. Пг., 1914. Т. 19. Кн. 2. С. 281–285; Ерусалимский К. Ю. 30 апреля 1564 года // Между Москвой, Варшавой и Киевом. К 50-летию проф. М. В. Дмитриева. М., 2008. С. 125–193; Попов В. Е., Филюшкин А. И. Бегство князя А. М. Курбского: документ из Рижского архива // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 2 (8). С. 119–126.

шанской, его документальное и, возможно, книжное собрание пополнилось материалами его жены, которая перевозила свои вещи в Ковель к мужу более чем на десяти возах. Предположительно в начале 1570-х гг. значительная часть рукописных текстов и печатных книг Курбских скопилась в Миляновичском имении Курбского под Ковелем.

Документальное собрание стало одной из причин разрыва в магнатской семье. Князь стремился завладеть полнотой инициативы выступать от лица своей жены в сделках, в том числе по имениям, которые он не собирался отдавать своим пасынкам. Впрочем, княгиня быстро сориентировалась в грозящих ей бедах и, хотя возможно и не сразу, включилась в борьбу против мужа на стороне своих детей от первого брака, Яна и Андрея Монтолтов.

В середине июня 1575 г. секретарь Курбского московит Иван бежит с бумагами и книгами своего пана – возможно, к его пасынкам братьям Монтолтам. Благодаря этому побегу мы располагаем единственным известным сегодня прижизненным упоминанием в документации Речи Посполитой книг из библиотеки кн. А.М. Курбского. Украдены у него были кириллический «Апостол» и латиноязычный «Василий Великий»[50].

Согласно подозрениям князя, летом 1577 г., когда он болел, его жена, будучи в Дубровице, захватила «скрыню з скарбу их милости», в которой были «привилья и все справы его милости потребные», и отдала некоторые «потребънеишие» «сыном своим»[51]. Подозрения князя не вполне оправдались – многие документы его жена отдала прокуратору Ф. Достоевскому, и тот дал обещание вернуть их только ей лично в руки[52]. В числе

[50] ЦДІАУ-К, ф. 28 (Володимирський гродський суд), оп. 1 (далее – КГВ- и номер дела), спр. 9, арк. 157–157 зв. (14 июня 1575 г.). Ср.: Калугин В.В. Андрей Курбский... С. 36, 71-72.

[51] КГЛ-17, арк. 568–568 зв., цит. на л. 568, публ.: Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: Акты, изданные временною комиссиею, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе / подг. Н. Д. Иванишев. Киев, 1849 (далее – ЖКЛВ и номер тома). Т. 1. С. 83. Жалобу подал служебник Курбского Езоф.

[52] Среди разыскиваемых Курбским актов были «лист дельчий» М. Козинского с О. Кирдеем Мыльским на Дубровицкое имение, подтверждение на эту сделку кн. К. К. Острожского, «компромиссы» всех трех сторон сделки, «листы заручные и выписы врядовые» кн. А. Чарторыйского и Г. Бокия «и к тому инших много листов» (КГВ-11, арк. 14, публ.: ЖКЛВ-1. С. 93–95). Во время расследования дела Раины Куковны, в июне 1578 г. обвиняемая рассказала, что еще до мая 1578 г. через писаря Ждана Мироновича княгиня отослала некоторые документы на Дубровицу своему сыну Яну. Гольшанская продолжала поиск остальных документов, боясь, что Курбский начнет распоряжаться ее владе-

прочего «украдены» были записи о земельных разделах, договоры о поручительстве, выписи из урядовых книг и многие другие акты, касающиеся дубровицких имений, а вместе с ними бланки с подписью и печатью Курбского. То, что Курбский называл кражей, с точки зрения его жены было распоряжением ее имуществом, однако до конфликта документация Гольшанской могла быть доступна Курбскому.

В ходе конфликта с княгиней в 1578 г. от князя бежит слуга его жены Ждан Миронович, прихватив с собой бланки и «листы». А в мае от князя ушел долгоносский урядник Матвей, забрав деньги из «скрыни», а его сестра Раина Куковна была схвачена в Ковеле как заговорщица, которая должна была по подговору М. Ю. Гольшанской в «скрынех» князя «шукати листов права на Дубровицу и привилев на Ковел». Впрочем, она призналась, что слуга князя Яско сказал ей, что «тая справа вся отвезена до Миленович»[53]. Согласно протоколу допроса, Раина не поверила в этот сценарий и продолжала думать, что князь скрывает документы в Ковеле.

Что таится за этими показаниями девушки, которая в начале следующего года откажется от своих слов о Курбском и его жене? Это было измышление самого князя, использованное им в целях шантажа своих противников, или сценарий, в котором есть доля подлинных намерений Гольшанской? Если перед нами только вымысел, то понятно все же, что вопрос о документах стал ключевым для рассорившихся супругов; а если нет – нужно вспомнить, что два года спустя возобновившееся противостояние между Курбским и его бывшей женой переросло в борьбу за право на Ковель, которого могли лишиться его дети от нового брака как «заблудные».

Поиск материалов, входивших в личное собрание кн. А. М. Курбского, на сегодня охватывает древлехранилища по всей России, центральной и восточной Европе, а если учитывать интеллектуальное наследие князя – также и западноевропейские страны и Северную Америку. Разобщенность этих материалов вызвана их появлением в копиях в различных сферах активности самого князя и его потомков. Примером, который может суще-

ниями без ее согласия. Однако привилегии и жалованные грамоты на Дубровицу и Ковель хранились в Миляновичах и были для нее недоступны. Впрочем, по нашему предположению, показания Раины инспирированы самим князем Андреем, который безуспешно пытался собрать в своих руках документы на владения жены и параллельно от ее имени вступил в сделку с О. Кирдеем Мыльским и его женой княжной Г. Ю. Гольшанской (ЖКЛВ-1. С. 83–84, 97, 111, 126).

[53] КГВ-11, арк. 91 зв. (9 июня 1578 г.).

ственно дополнить наши знания о личных документах Курбского, может служить комплекс реестров финансовой отчетности его имений, частично введенный в научный оборот еще в XIX в., но до сих пор почти не вызывавший интереса у исследователей[54]. Князь опирался на собственные копии реестров и на их основе высказывал претензии в волынских судах. Однажды его слуга Я. Осовецкий разыскивал «поборцу» королевского секретаря В. Красенского и его заместителя, чтобы представить им «реестр выбраня побору з ыменеи его милости князя Курпского ковелских и пенези при том реестре»[55]. Это был, по-видимому, тот самый текст, который лег в основу сводного реестра Красенского в Архиве Королевской казны.

Всего нам известно 8 реестров ковельских имений Курбского и 1 реестр, составленный после его смерти. Все они вошли в сводный том Налоговых книг Архива Королевской Казны[56]. Каждый из них подготовлен

[54] Jabłonowski A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. T. VIII. Ziemie ruskie. Wołyń i Podole. Warszawa, 1889. (Źródła dziejowe. T. XIX).

[55] КГВ-11, арк. 277 зв. (5 декабря 1578 г.).

[56] AGAD, ASK, dz. I (Księgi poborowe), sygn. 31. Данная рукопись – сложносоставный конволют, содержащий отчетные данные архива Королевской казны по налоговым сборам с волынских имений за 1564–1589 гг., Ливонии за 1588–1589 гг., Иберпольского замка за 1583 г. и Иберпольского повета за 1589 г. Размер книжного блока (высота, ширина, толщина) – 34,5 × 23 × 15,5 см. Плотная бумага переплетных крышек покрыта коричневой кожей, к настоящему времени сильно потертой и поврежденной на уголках и сверху на корешке. Корешок на 5 делений. Остатки бумажных наклеек во 2-м и 3-м делении корешка. Тиснение – 3 параллельные полосы на верхней и нижней крышках переплета у корешка и в каждом делении корешка сверху и снизу. В рукописи имеется поздняя архивская арабская фолиация черными чернилами, которая в большинстве случаев не учитывает листов, не содержащих записей, а также листов срезанных и оборванных у сшива. Учитывая приперепленные и пронумерованные листы, в рукописи II1+788+II2 л. Разделы кодекса, которые первоначально представляли собой отдельные рукописи, в ряде случаев обособлены с помощью номеров, вписанных красным карандашом на первом листе раздела. Раздел I открывается записью на л. II1 сверху коричневыми чернилами «№ 609» и на л. 1 сверху черными чернилами: «A 1576», и карандашом дважды «1579» – слева и снизу от записи чернилами. Кодекс состоит из следующих разделов: I. Л. II1–150. Реестр волынских поборов, 1579 г. На л. II1: «№ 609». После л. 150 не пронумерован 1 чистый л. После л. 85 удален 1 л., после л. 120 – 3 л., после л. 150 – 1 л.; II. Л. 151–158. Реестр поборов с собненского имения 1564 г. На л. 151: «№ 397»; III. Л. 159–181. Реестр волынских поборов 1570 г. На л. 159: «№ 531». После л. 181 удален 1 л.; IV. Л. 182–201. Реестр поборов с Владимира-Волынского 1570 г. На л. 182: «№ 516». После л. 182 не пронумеровано 4 чистых л., после л. 201 – 1 л.; V. Л. 2011–285. Реестр волынских поборов 1569–1570 гг. На л. 2011: «№ 476». После л. 263 не пронумеровано 2 чистых л.,

после л. 272 – 1 л., после л. 274 – 1 л., после л. 275 – 3 л., после л. 282 – 1 л.. После л. 282 удалено 2 л. Особые подразделы: V.1 – л. 2011–263; V.2 – л. 264–285; VI. Л. 286–325. Реестр луцких поборов 17 июля 1578 г. На л. 286: «№ 684». После л. 321 удален 1 л., после л. 325 – 5 л.; VII. Л. 326–365. Реестр волынских поборов 1577–1578 гг. На л. 326: «№ 634». После л. 348 удалено 2 л. После л. 365 не пронумеровано 2 л.; VIII. Л. 3652–420. Реестр волынских поборов 1578 г. На л. 3652: «№ 689». После л. 386 не пронумерован 1 чистый л., после л. 390 – 2 л., после л. 413 – 1 л., после л. 414 – 1 л., после л. 418 – 1 л. После л. 390 удалено 2 л., после л. 391 – 1 л., после л. 410 – 1 л., после л. 417 – 1 л.; IX. Л. 421–428. Реестр поборов с Каменца-Подольского 1573, 1576, 1577 г. На л. 421: «№ 663»; X. Л. 429–480. Реестр поборов с ковельских имений 1576 г. После л. 480 не пронумеровано 2 чистых л.; XI. Л. 481–488. Реестр поборов с луцких мещан 1573 г. На л. 481: «№ 579». После л. 488 удалено 3 л.; XII. Л. 489–498. Реестры поборов с Кременца 1581 г. и Каменца-Подольского 1578 г. Особые подразделы: XII.1 – л. 489–493; XII.2 – л. 494–498. После л. 493 не пронумерован 1 чистый л.; XIII. Л. 499–511. Реестр волынских поборов 1580 г. На л. 499: «№ 732». После л. 511 не пронумеровано 2 читых л.; XIV. Л. 511–552. Реестр волынских поборов 1582 г. После л. 538 не пронумеровано 4 чистых л. После л. 552 удалено 4 л.; XV. Л. 553–565. Реестр волынских поборов 1581 г. После л. 565 не пронумеровано 2 чистых л.; XVI. Л. 5652–685. Реестр волынских поборов 1583 г. Особые подразделы: XVI.1 – л. 5652–646; XVI.2 – л. 647–685. На л. 5652: «№ 792». После л. 645 не пронумерован 1 чистый л., после л. 646 – 2 л., после л. 684 – 1 л.. после л. 685 – 1 л.; XVII. Л. 686–716. Реестры ливонских поборов 1588–1590 гг. На л. 686: «№ 822». После л. 698 не пронумерован 1 чистый л., после л. 716 – 1 л., после которого удален 1 л.; XVIII. Л. 717–724. Суммарий волынских поборов 1589 г. На л. 717: «№ 828». После л. 724 не пронумеровано 4 чистых л.; XIX. Л. 725–728. Суммарий ливонских поборов за 1588 г.; XX. Л. 729–788. Реестры Иберпольского повета 1589 г. и Иберпольского замка 1583 г. Особые подразделы: XX.1 – л. 729–747; XX.2 – л. 748–788. После л. 788 удалено 3 л.; Раздел X состоит из трех тетрадей: I – л. 429–442 (14 л.), II – л. 443–462 (20 л.), III – л. 463 – 4802 (20 л.). Водяной знак бумаги, на которой написан публикуемый реестр, – Лилия в гербовом щите, герб шляхетного рода краковских мещан Бонеров. Бумага с данным знаком изготовлена на бумагоделательной мануфактуре в г. Балице под Краковом. Изображения филиграней балицкой мануфактуры см.: Siniarska-Czaplica J. Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. Tabl. I–XIII. На бумаге реестра 1576 г. знак Лилия обнаружен на л. 429, 431, 432, 436–438, 441, 446, 448, 449, 451, 453, 455, 458, 460–464, 467, 469–472, 477, 479, 480. Знаков, идентичных данному, среди вариантов, приведенных в альбоме Я. Синярской-Чаплицы, не обнаружено. Печать на л. 4802 содержит изображение герба «Правда» («Лев над стеной») – поясная фигура Льва, повернутая вправо над стеной, над щитом инициалы «K Z». Таким образом, в составе данного сборника реестр ковельских имений представляет собой обособленное целое. Реестр занимает л. 429–4802 об. Текст, начиная со слова «Реестръ» и заканчивая подписью К. Зубцовского, расположен на л. 429–480 об. Номерами

шляхтичем, получившим на то полномочия постановлением «вального» сейма: 1) за 1570 г. – Александром Журавницким по постановлению Люблинского сейма 1569 г.[57]; 2) за 1576 г. – князем Дмитром Козекой по постановлению Люблинского сейма 1569 г.[58]; 3) за 1577/8 г. – Федором Рудецким, видимо, по постановлению сейма конца 1576 г.[59]; 4) за 1578/9 г. – Василием Красенским по постановлению Варшавского сейма 1578 г.[60]; 5) за 1579 г. – Федором Загоровским по постановлению Варшавского сейма 1579 г.[61]; 6) за 1581 г. – Михаилом Леневским по постановлению Варшавского сейма

«429», «430» и т. д. в публикации обозначена лицевая сторона листа источника, номерами «429v», «430v» и т. д. – оборотная. Существенную помощь в изучении данного сборника нам оказали Д. и М. Карчевские, М. Страшевич, Н. Белоус, О. А. Остапчук, а также Р. Янковский, любезно предоставивший первичную информацию о формате рукописи, филигранях бумаги в разделе с публикуемым реестром, а также сфрагистические и геральдические сведения.

57 «Regestr sumarie zebrani poborow ziemie Wolinskiei s powiatow Luckiego, Wlodzimirskiego i Krzemienieczkiego przez Alexandra Zerawniczkiego klucznika i grodniczego lyczkiego, poborze theize ziemie Wolinskii, wibranich wedlie ufali Seimu Lubelskiego w roku panskim 1569 bendaczego ktore poczeto brać w roku panskim 1570 dnia febr. 3» (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 31, k. 202 и сл., 246–246v.; Jabłonowski A. Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 3 и сл., 24).

58 «Реестр бранья побору короля его милости водле уставы в Люблине на сойме прошлом постановленое в року Божом 1569, который и теперь постановен выбирать на корунацыи его кролевское милости в Кракове року Божего 1500 семъдесят шостого выбиране того побору з ыменей его милости князя Анъдрея Михайловича Курпского Ярославского з места Ковля и волости Ковелской року Божего 1500 семдесят шостого, который отдан до поборцы его кролевское милости князю Дмитру Козице в повете Володимерском водле реестру того» (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 31, k. 429 и сл.).

59 «Sumariusz z regestrow recognicey vibranego poboru ktori sye począł bracz w roku 1577 a dobrał sye w roku 1578 w woyevodstwye Volinskym przess urodzonego Chvyedora Rudzeczkiego yesth vibrani y do skarbu coronnego oddani» (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 31, k. 326 и сл., 349–349v, 365v; Jabłonowski A. Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 37, 64). Сохранилась также латинская версия реестра Ф. Рудецкого (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 64, k. 90 и сл., 97v).

60 «Regestr poboru na seimie walnem Warszawskiem ufalonego z woiewodstwa Wolynskiego przesz mię Waszila Krasienskiego s k im poborcze woiewodstwa Wolynskiego za rok 1578 wybranego» (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 31, k. 366 и сл., 401v–403).

61 «Реестр выбирания побору его королевское милости на сойме прошлом у Варшаве в року теперешнем тисеча пятсот семьдесят девятом уфаленого через его милость пана Федора Загоровского поборцу и ротмистра его королевское милости воеводъства Волынъского» (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 31, k. 57v и сл., 86–88v).

начала 1581 г.[62]; 7) за 1582 г. – Михаилом Леневским, видимо, по постановлению Варшавского сейма конца 1582 г.[63]; 8) за 1583 г. – Иваном Хренницким, видимо, также, как и предыдущий реестр, по постановлению сейма конца 1582 г.[64] Более поздние описания ковельских имений известны, например, по реестру за 1589 г., опубликованному А. Яблоновским. Показатели этого реестра в разделе, касающемся ковельских имений, идентичны данным 1583 г.[65]

Несмотря на сходство в названиях, по сути речь идет о двух типах документов. Одни из них – собственно реестры с табличным описанием единиц обложения и величины налоговых сборов, другие – инвентари, и именно к этой категории относится до сих пор не публиковавшийся оригинал «реестра» 1576 г., заверенный К. И. Зубцовским.

Однако в ряду данных «реестров» необходимо учитывать и самые ранние из реестров ковельских имений А. Фирлея, особенно инвентарь 16 июня (в польскоязычной заставке к акту дата неверно – 16 июля) 1590 г. передачи имения от кн. А. П. Семашко Курбской Ярославской. В нашем распоряжении относительно недавно оказался свод материалов по ковельским имениям, по ошибке отнесенный к Винницкому гродскому суду. Он дополняет сведения Архива Королевской Казны более поздними данными. Более ранние сведения относятся только к 1556 г., то есть весь период, когда Ковелем владел кн. А. М. Курбский, в книге не учтен[66]. Пример ли

[62] «Regestr wybrania poboru iego k m na seymie walnym Warszawskim niedawno przeszłym uchwalionego przez mię Michała Liniewskiego poborcę woiewodstwa Wołynskiego w roku 81 w powiecie Włodzimirskim wybranego» (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 31, k. 553 и сл., 555–555v, 558).

[63] «Regestr wybrania poboru Jego Kr Mczi przez mię Michała Liniewskiego poborcę woyewodstwa Wołynskiego s powiatu Włodzimirzskiego w roku teraz ydacym 1580 wtorym» (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 31, k. 499 и сл., 503–503v, 525, 536).

[64] «Regestr wybrania poboru iego krol mczy przesz mię Iwana Chrenniczkiego podsedka ziemskiego Luczkiego z woiewodstwa Wolynskiego w roku 1583» (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 31, k. 566 и сл., 583v–584, 636–638; Jabłonowski A. Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 79 и сл., 88, 120).

[65] «Sumarius poboru wybranego z woiewodstwa wolynskiego w roku 1589» (AGAD, ASK, dz. I, sygn. 31, k. 717; ; Jabłonowski A. Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 149 и сл., 154).

[66] «Inuentarz starostwa Kowelskie-o roku 1590 die 16 july przez pana Sczesne-o Drzemlika dworzanina krola je-o m-ci od kniehiniei Krupskiei odbierania a je-o m panu Andrzeiowi Firleiowi z Dambrowice casztellanowi małogoskiemu oddawania» (ЦДІАУ-К, ф. 44 (Вінницький гродський суд), оп. 1, спр. 1, арк. 52–73 (рутенская версия), 74–93а зв. (польская версия)). Рукопись является конволютом. В ее состав входят ковельские инвентари 1556, 1590, 1606 гг. и более поздние до-

это сознательной damnatio memoriae или переустройства ведомственной принадлежности ковельских владений после 1589 г., остается под вопросом. Нельзя исключать и того, что в распоряжении составителей кодекса ковельских инвентарей не было материалов за период с 1564 по 1589 гг.

Княгине-вдове и несовершеннолетним детям князя пришлось в 1589–

кументы, относящиеся к Ковлю и ковельским имениям за XVI–XVIII вв. Последний – судебная выпись с суда в Варшаве 2 июня 1788 г. Переплет поздний, конца XVIII – начала XIX в., картонный, корешок – коричневая кожа. На II1 + 235 + IV2 л., не считая непронумерованных листов. Поздняя карандашная фолиация. В овальной вклейке сверху на верхней крышке: «Inwentarz Opisanie starostwa Kowelskiego 1556–1700 r.». В левом верхем углу бум. бирка, на ней черн. чернилами: «5935/1». В левом нижнем бум. бирка ЦГИАУ-К с современным шифром. Корешок сверху оборван. В середине бумажная бирка, по ней желтая наклейка, в ней в круге из точек кор. чернилами: «К/КО.». Внизу бум. бирка, оборвана и стерта. Состав: 1) Инвентарь староства Ковельского 1556 г. на польском яз. Л. 1–50b. Первонач. фолиация кор. чрн с номерами 751–801. На л. 1 в левом верхнем кор. чрн надписи: «Rok 1556», далее синяя печатная «К.8», далее теми же кор. чрн: «z Xięg № 654/4», номер выделен скобкой. Под печатной надписью наклейка с надп. кор. чрн: «60». На л. 1 об. по внешнему краю зачеркнуты пробы пера. Бумага особая. На л. 50a об. приложено 2 печати красн. воска, одна с покрытием, вторая без и наполовину осыпалась. 2) Инвентарь 1590 г. на рутенском яз. Л. 52–73. Первонач. фол. черн. чрн с номерами 335–356. На л. 52 слева вверху: «Ex. Lit. 652 ex A-o 1551/1700». Титульная страница по-польски. Далее на рутенском. Бумага в ряде мест реставрирована. На л. 73 сверху на бумажном отгибе 3 печати. 3) Инвентарь 1590 г. на польском яз. Л. 74–93b. Первонач. фолиация продолжается с предыдущего раздела с номера 357. 4) Инвентарь доходов 1590 г. По-польски. Л. 94–195. Далее 3 непронумерованных листа. Первонач. фолиация с номерами 309–412 (не охватывает последний лист раздела). На л. 94 в лев. верх. углу: «z Xięg № 654/3» и ниже наклейка с номером «50». Л. 95 – вкладка 1724 г. 5) Инвентарь 1609 г. По-польски. Л. 195a –215b. Первонач. с номерами 377–396. На л. 215 об. вверху после текста на вырезке 4 печати. 6) Подборка люстраций за 1767–1768 гг. Первоначально имели свои фолиации и свои номера дел. 1-я люстрация с. Долгонос за 1767 г. Л. 216–219c. Синим каранадашом особая фолиация и сверху номер кор. чрн: «41». На л. 219 об. справа у корешка красн. восковая печать. 2-я с. Борки за 1768 г. Л. 220–225c. Синим каранд. особоя фол. с номерами 1–8. И свеху номер кор. чрн «38». 7) В конце кодекса приложены листы крупного формата с записями за 1770–1788 гг. 1-я за 1770 г. на л. 226–227. С надписью черн. чрн «z Xięg Lit G» и но 61. 2-я за 1783 г. на л. 228. С надп. «z Xięgi Lit O» и но 59. 3-я за 1771 г. на л. 229–230b «z Xięgi Lit G» и но «38». На л. 230 об. сверху справа красная восковая печать. 4-я за 1788 г. на л. 231–233. 5-я на л. 234–235 за 1788 г. из той же подборки, что и предыдущий раздел, с такой же печатью. На л. 235 внизу справа красная восковая печать.

1590 гг. навсегда покинуть Ковельское имение[67]. Позднее постепенно новые держатели староства вытеснили из имения большинство из слуг кн. А. М. Курбского и даже большую семью вполне освоившегося в своей роли свободного шляхтича К. И. Зубцовского. Это было серьезное потрясение для целостности «скарба» Курбских и имущества их слуг в ковельских землях. Вот один только сюжет из истории вытеснения слуг Курбских Ярославских: 4 января 1590 г. из Подгаец сбежали поп Василий Владычка и урядник Кашпор, забрав из храма 12 книг, «справ церковных немало», а также вещи и деньги от продажи зерна. Общий ущерб исчислялся 300 копами гр. ВКЛ[68].

Документы Курбского хранились в Криничинском имении его потомков в ВКЛ, пока он не был разделен между Мариной и Дмитрием-Миколаем Курбскими Ярославскими. Произошло это уже после утраты части ценностей вдовой и наследниками князя. В ночь с 21 на 22 ноября 1595 г. в Криничине произошел пожар. Сгорел жилой дом княгини, где хранились ее «золото, серебро, цынамед, шаты, листы увязщые и позвы, справы розные, квиты поборовые скорбовые»[69]. Какие-то книги и документы Курбского от пожара не пострадали, о чем можно судить по завещанию его дочери Марины 18 января 1611 г.[70] и представленному М. Эйгирдом для записи в книги Большой канцелярии ВКЛ 30 декабря 1649 г. привилею Сигизмунда II Августа А. М. Курбскому на упитские имения[71]. Внукам княжны Марины, детям чашника упитского Криштофа Визгирда Янушу и Кристине, ее младший племянник Ян Дмитриевич Курбский записал 25

[67] Много лет тянулся процесс между Аг. В. Сарыхозиным и кн. А. П. Семашко Курбской из-за инвентаря амуниции, которую кн. А. М. Курбский арендовал у Сарыхозина. Показательно, что этот вопрос не мог решиться прямым обращением к документам самого Курбского. Однако Агиш Сарыхозин представил на судах, вплоть до Трибунала, и опекунам Курбских расписку, составленную будто бы самим князем Андреем. Даже если это был фальсификат, его оказалось достаточно, чтобы отсудить у Курбских весьма значительную сумму – 730 коп гр. 59 гр. 4 пенези ВКЛ (VUB, f. 7. UŽT-3, s. 307–318; UPT. 1594–1595. № 212 (6 сентября 1594 г.); Опись документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. Вильна, 1908. Вып. 7. Стб. 152. 1586 г. № 877 (30 августа); стб. 164. 1586 г. № 943 (20 сентября).

[68] КГЛ-38, арк. 6 зв.–7 (4 января 1590 г.).

[69] VUB, f. 7. UPT 1595, l. 721–722v. № 924, описано: Опись документов Виленского Центрального Архива... Вильна, 1912. Вып. 8. Стб. 288. № 924 (24 ноября 1595 г.). Уп.: Устрялов Н.Г. Сказания... С. 416. № 18 (Варшава, 20 апреля 1598 г.).

[70] Auerbach I. Russische Intellektuelle... S. 36. См. также: Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 1.

[71] ЛМ-123, л. 207 об.–208 об.

февраля 1660 г. часть своей движимости[72].

Еще в сентябре 1657 г. между князьями Андреем и его братом Яном начался разлад из-за Криничина и имения их умершей сестры – Рогова. Оба имения были в совместном владении братьев. Это положение не устраивало обоих, но извлечь выгоду из него было проще старшему брату. Андрей претендовал на нераздельное держание упитских имений по старшинству и записал Криничин за своей женой. Ян держал в своей канцелярии запись на Рогово и, пользуясь этим, без согласования с братом продал свою часть Рогова Соколовским. Это вызвало негодование Андрея Курбского. В завещании он настаивал, что писарь гродский упитский «половину свою» продал незаконно[73]. Рогово досталось А. Д. Курбской от ее первого мужа Романа Соморока, и получить его в совместное владение Курбским удалось только после того, как были выплачены долги умершего, по словам Андрея Курбского, с его половины Криничина. Княгиня Цецилия Гедройцовна Курбская получила от мужа по завещанию в пожизненное владение почти весь Криничин со всей недвижимостью и движимостью, включая и часть Я. Д. Курбского, ей также были возвращены ее владения в Виленском воеводстве, Вильне и Полоцком воеводстве.

Сразу после смерти упитского маршалка возобновилась борьба за его владения. 9 апреля 1669 г. Цецилия Гедройцовна была «правом впущена» в земли мужа[74]. Ян Курбский попытался захватить все имение силой, но был вынужден доказывать свои права на часть Криничина и военную амуницию брата в суде[75]. В 1669 г. вдова князя продолжила также борьбу на королевском асессорском суде с конюшим за имение Видзенишки, но дело было перенесено на 1670 г. из-за отсутствия частных сведений по решениям местных судов, а затем продлилось до 1672 г., и вдова Курбского его проиграла[76].

Судьба документального архива Дмитрия-Миколая Андреевича Курбского также стала предметом судебного процесса между княгиней Ц. М. Гедройц и ее деверем Я. Д. Курбским в 1669–1672 гг. От Цецилии Гедройцевны Ян Курбский требовал вернуть присвоенные ею после смерти мужа «дела, привилеи, либертации» на поместье. Но когда ее представителей Симона Куровича и Андрея Пезарского в январе 1671 г. асессорский

---

[72] Акты издаваемые Виленскою Археографическою коммиссиею. Вильна, 1883. Т. XII (далее – АВАК. Т. XII). С. 604, 607.

[73] Там же. С. 603.

[74] ЛМ-362, л. 435.

[75] Wolff J. Kniaziowie… S. 693.

[76] ЛМ-360, л. 573 об.-574 (12 ноября 1669 г.); Wolff J. Kniaziowie… S. 196.

суд попросил предъявить акты на недвижимость, от имени маршалковой было заявлено, что еще будучи «молодым человеком», А. Д. Курбский отправлялся на военную службу и передал вместе с имением все документы на него брату «ad fideles manus». Это могло произойти вскоре после смерти Д. А. Курбского, когда на рубеже 1640-50-х гг. его старший сын принимал деятельное участие в военных экспедициях, за что получил должность подчашего Вилькомирского. Возвращать акты Ян Курбский не хотел, и на протяжении всех последующих лет вплоть до отречения короля Яна Казимира за них велись споры в упитском гродском суде[77].

После смерти последнего представителя рода Курбских Ярославских Я. Д. Курбского летом 1672 г. следы архива теряются[78]. Выехавшие из Речи Посполитой в Россию в 1683 г. Александр младший (Яков Васильевич) и в 1685 г. Александр старший (Александр Борисович) Крупские-Курпские не имеют отношения к князьям Курбским Ярославским и, наиболее вероятно, происходят из усвятской ветви литовского дворянского рода Крупских[79]. В 1693 г. в России появляется шляхтич В. Г. Петрович, который называет себя двоюродным братом «князя Якова Курпского»[80]. Ни о каких документах князей Курбских Ярославских в России ни в ходе, ни после этих событий не известно, и нет оснований считать, что самозванные князья Курбские или Петровичи имели таковые в своем распоряжении[81]. Вопрос о возможных путях наследования и распадения архива князей Курб-

[77] ЛМ-361, л. 143 об.–144.

[78] См. также: Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 2: Województwo trockie XIV–XVIII wiek / red. A. Rachuba, oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. P. Romaniuk, A. Haratym, przy współpracy A. Macuka i J. Aniszczanki. Warszawa, 2009. №№ 3518, 3521, 3702, 3703, 3633, 3661, 3767, 4032.

[79] Ерусалимский К. Ю. Новое о выезде Курбских (Крупских) в Россию из Речи Посполитой // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 362–379.

[80] РГАДА, ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию), 1685 г., д. 3, л. 561.

[81] Материалы ревизии дворянского происхождения Крупских в 1822–1826 и 1839–1841 гг. показывают, что Крупские ориентировались в польском историописании и геральдической литературе, за пределы которой до рубежа XVII–XVIII вв. не выходили, а ближайшую историю своей ветви рода начинали с метрической записи о крещении 1 октября 1713 г. сына Антония Крупского и Анны Деноф Крупской Казимира. Этот источник никак не влияет на наши выводы о возможном происхождении самозванных Курбских из рода Крупских или каких-то их ближних родичей. См.: ЦДІАУ-К. Ф. 481 (Центральна комісія для ревізії дій дворянських депутатських зборів при київському, подільському і волинському генерал-губернаторі), оп. 2, спр. 436, л. 99–106 (см. также д. 658); оп. 3, спр. 257, 46 л., здесь об истории рода в XV-XVII вв. на л. 25–25 об., 27 об.–28.

ских является дискуссионным[82]. Ясно лишь, что отдельные документы из этого архива сохранились в ряде рукописных собраний современной восточной Европы, однако подавляющая часть «скарба» Курбских реконструируется на основе канцелярских копий Короны Польской и Великого Княжества Литовского и по упоминаниям в других источниках, особенно в актовых книгах местных шляхетских судов.

Подведем предварительные итоги. В Российском государстве рост территориально-потестарных претензий московских великих князей и царей, как показали в своих работах еще Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт и А. А. Зимин, создал весьма специфический тип архивного собрания, не только характерный для имперского самосознания, но и составляющий одну из его основ – с помощью архивного контроля государство лишало самобытности подвластные территории, учреждения, князей и нетитулованную знать, государственные проекты и судебные права, историческую память и межгосударственные иерархии. Архивы политической верхушки Речи Посполитой в принципе тяготели к сходной модели и содержали сопоставимый с московским комплекс документальных собраний, позволявших королевской власти доминировать над территориями, людьми и институтами. Московиты, переезжавшие на королевскую и магнатскую службу в Польско-Литовское государство, оказывались в положении, когда их личный «архив» был разделен на «тамошний» и «здешний». При этом московское прошлое ограничивалось статусом, позволявшим идентифицировать личность в категориях местной социальной «лестницы», и для определения этого статуса не использовались никакие механизмы удостоверения. По крайней мере, нам не известно ни одного примера, когда от перебежчика или пленника из России, желающего поступить на службу или интегрироваться в городские и духовные круги Речи Посполитой, требовались бы письменные или вещественные доказательства принадлежности к искомому статусу в России. Московский «архив» эмигранта переставал существовать, и все определяли первые допросы, обстоятельства задержания, оценка внешности и, возможно, просто впечатление представителя местной или государственной власти. Случались при этом и коллизии, когда московский статус оказывался завышен и, о чем известно меньше, занижен выходцами из России. «Здешний» архив собирался на

[82] Ср.: Auerbach I. Die neue massgebliche Edition der zentralen Werke Andrej Kurbskijs // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. Bd. 59. H. 4. S. 586–590; Boeck B.J. Miscellanea Attributed to Kurbskii: The 17th Century in Russia Was More Creative Than We Like to Admit // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. № 4. P. 955–963.

первых порах из записей, опорой которых служили не «старина» и не клановая солидарность, как у многих местных шляхтичей, а наоборот, сам факт недавнего однократного внесения в ряды сословной группы, который мог быть проверен, удостоверен и подтвержден. Утрата документов на этом фоне превращалась в статусную катастрофу, которую невозможно было компенсировать заступничеством поручителей, людей «добрых», если только на стороне московки или московита не оказывался местный клан, с которым ей или ему удавалось породниться через свойство.

Московитов первых поколений отличает также повышенный герметизм производства архивных собраний, тяготение к соотечественникам как в дружбе, так и во вражде. Отчасти этот феномен может быть объяснен их специфическим статусом в Речи Посполитой – их «оселость» среди шляхты-«земян» все еще условна и непродолжительна, они менее привязаны к местным кланам и больше ищут поддержки у земляков, короля, магнатерии, реже (или меньше известно) – у церкви и городских корпораций, их владения часто выделены на коллективном и общем «неделимом» праве, «до воли и ласки» короля или до смерти вельможного московита (как было в истории слуг кн. С. Ф. Бельского или кн. А. М. Курбского, а возможно – и В. С. Заболоцкого). Однако не все социальные стратегии московитов были навязаны их «транзитивным» статусом и подвижной культурной идентичностью в новом отечестве. Определенное воздействие на самосознание оказывало чувство общности происхождения, память о покинутом отечестве. Не это ли подталкивало сына боярского, старого слугу князей Хованских Г. Сафонова в начале XVII в. явиться в Житомирский суд, чтобы пожаловаться на несоблюдение шляхетских свобод в отношении таких иноземцев, как он, и на неуважение к его бывшему отечеству? Занести воспоминания в актовую книгу было необходимо для компенсации навсегда утраченной и ничем больше неподдержанной материальной памяти. И не это ли полностью растворяет «скарбы» вымирающих московских родов в конфликтной повседневности? Выморочные владения переходят в казну, а редкие случаи споров за эти имения, как мы видели в истории борьбы за наследство Ф. Е. Толкачева, показывают, что возможности московитов распоряжаться своим имуществом и своей «казной» были весьма ограничены.

Архив кн. А. М. Курбского и документальные собрания его потомков представляют уникальный пример собраний, которые отчетливо прослеживаются в своих основных параметрах по многочисленным, в основном косвенным, данным. Если московский этап в биографии князя восстанавливается в основном на основе официальных московских источников, а

свои книги князь упоминает после побега из Юрьева в Вольмар 30 апреля 1564 г., то следующие заметные рубежи в истории его документального и книжного собрания составляют осень 1570 г., когда князь женился на княжне М. Ю. Гольшанской, конец 1577 – начало 1578 г., когда разлад в семье Курбских перешел в открытую фазу и повлек за собой серьезные перемены в семейном «скарбе», который до того находился под обоюдным контролем. Это заставляет учитывать, что в состав «скарба» князя вошли документы, относившиеся к имениям его жены, а затем какая-то часть из них была вырвана его супругой и ее сторонниками в борьбе за имущество в ходе бракоразводного процесса. 26 апреля 1579 г. новая супруга князя, А. П. Семашко Курбская, вносит в имущество мужа посаг и открывает последний значительный этап в формировании его документального собрания, который заканчивается его смертью.

Под 1575 г. в актовой книге Владимирского гродского суда сохранилось прямое упоминание книг кн. А. М. Курбского, находящее параллель в его переписке с Марком-Умаром Сарыхозиным. Видимо, в полном объеме состав налоговой отчетности Курбского за Ковель и посаги его жен отражен в книге реестров восточнорусских земель Речи Посполитой из фонда Королевской казны.

Дальнейшая история «скарба» князей Курбских Ярославских связана с борьбой за удержание Ковельского имения в руках его потомков. Однако параллельно княгине-вдове приходится решать проблему долгов своего мужа, которая только усложняется после пожара в Криничине в ночь с 21 на 22 ноября 1595 г. Переход книжного собрания Курбского в новое качество состоялся, вероятно, после обращения кн. Д.-М. А. Курбского в католичество. Православные книги оказались у княжны Марины Курбской, которая завещала их в 1611 г. Свято-Духову монастырю в Вильне, откуда они могли попасть под Могилев, а затем, в ходе войны 1654–1667 гг. или после нее, частично – в Российское государство. Нельзя исключать и другие пути «возвращения» книг и сочинений кн. А. М. Курбского в Россию.

Что же касается криничинского наследства, то оно какое-то время сохранялось в совместном пользовании обоих внуков князя Андрея и их супруг, рассорившихся из-за него лишь в последние годы жизни и особенно после смерти старшего из них, кн. А. Д. Курбского в 1669 г., когда права на Криничин оспаривали его вдова Ц. М. Гедройц и ее деверь кн. Я. Д. Курбский. В обретении следов архива были в различные периоды заинтересованы самозванные князья Курбские. Например, во второй половине XVII в. и XIX в. – нетитулованные шляхтичи Крупские и, возможно, их родичи. Высказывалось предположение, что в их распоряжение попали фраг-

менты личного архива криничинских князей Курбских Ярославских или даже кн. А. М. Курбского, однако на сегодня неизвестно ни одного подлинного документа, который был бы представлен ими в таком качестве.